

ДРЕВНОСТИ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ

г. Ташкента *).

Въ первомъ засѣданіи Туркестанскаго кружка любителей археологій, между прочимъ было постановлено: просить членовъ дѣлать время отъ времени сообщенія археологическаго характера. По приглашенію г. почетнаго предсѣдателя кружка барона Александра Борисовича Вревскаго, на мою долю выпало первому выступить съ работою подобнаго характера.

Приступая къ настоящему сообщенію, считаю нужнымъ оговориться. Начало каждаго дѣла представляетъ собою большія трудности и извѣстный рискъ для начинающаго, не имѣющаго за собою опыта и данныхъ предшествующихъ работъ. Это особенно должно относиться къ археологическимъ работамъ въ Средней Азій, гдѣ не только по археологій, но и по исторіи сдѣлано пока чрезвычайно мало.

Затѣмъ я не археологъ-спеціалистъ, а простой любитель, скромный собиратель фактовъ и свѣденій, руководящійся мыслью, что собраніе сыраго матеріала, эта, такъ сказать, черновая работа, можетъ принести пользу наукъ, посвященной изученію древ-

*) Сообщеніе, сдѣланное въ публичномъ засѣданіи Туркестанскаго кружка любителей археологій 22 января 1896 года. (Кружокъ открытъ въ г. Ташкентѣ 11 декабря 1895 года).

ней, угасшей теперь жизни людей. Я далекъ отъ мысли дѣлать какіе либо выводы и заключенія изъ собранныхъ мною свѣденій, предоставляя это другимъ, болѣе подготовленнымъ къ дѣлу силамъ.

О важности археологическихъ изслѣдованій въ Средней Азіи я говорить не буду, какъ о дѣлѣ безспорномъ, но чтобы быть понятнымъ въ послѣдующемъ изложеніи, желалъ бы сказать нѣсколько словъ о древней исторіи страны, придерживаясь общераспространенной теоріи расселенія народовъ индо-европейской расы.

Въ очень древнія времена, въ высокихъ долинахъ Гималаи и Гиндукуша обитало красивое и богато-одаренное пастушеское племя Арья, или арійцы. Размножившись, арійцы спустились съ горныхъ высотъ и начали распространяться по двумъ направленіямъ: къ югу и западу. На югѣ они заняли долины р. р. Инда и Ганга и основали сильныя государства съ своеобразною цивилизаціею. На западъ распространеніе арійцевъ шло по двумъ путямъ: одни заняли Персію, но очевидно встрѣтивъ далѣе на своемъ пути сильныя племена семитической расы, занимавшія Аравію, Месопотамію и Палестину, отклонились къ сѣверу Малой Азіи и расположились вдоль Кавказа и береговъ Чернаго моря; другіе же, пройдя Среднюю Азію, чрезъ степи южной части Арало-Каспійской низменности и низовья р. р. Урала и Волги достигли Европы. Здѣсь, потѣснивъ къ сѣверу дикія, менѣе одаренныя финскія племена, арійцы расположились въ слѣдующемъ главномъ порядкѣ: сначала славянскія племена, за ними германскія и на крайнемъ западѣ кельтскія; южныя полуострова Европы заняли племена греко-латинской группы.

Часть арійцевъ осталась въ Средней Азіи по берегамъ р. р. Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи (Оксуса и Яксарта) и ихъ притокамъ, образовавъ здѣсь какъ осѣдлыя, такъ и кочевыя группы племенъ. Ко времени образованія въ Персіи сильнаго государства царями изъ династіи Ахеменидовъ, здѣсь были извѣстны: Бактрійцы на среднемъ теченіи р. Аму-Дарьи, къ группѣ которыхъ очевидно принадлежали и горныя племена, населяющія теперешій Бадахшанъ и Памиры, —

Согды, занимавшіе теперешнія Бухару и Самаркандскую область, и исчезнувшіе съ лица земли жители Маргіаны (Мерва); въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи кочевали Массагеты, по среднему теченію р. Сыръ-Дарьи жили загадочныя Яксарты, выше обитали Саки. Болѣе чѣмъ за двѣнадцать столѣтій до христіанской эры лѣтосчисленія, въ землѣ Бактрійцевъ возникла религія Зороастра, или Заратустры, принятая почти всеми средне-азиатскими и сѣвероперсидскими племенами и державшаяся здѣсь весьма долго. Бактриана и Маргіана впервые были завоеваны Киромъ, погибшимъ въ войнѣ съ Массагетами въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи, но окончательно закрѣплены за Персіею эти провинціи, а также и Согдіана, Даріемъ Гистаспомъ, образовавшимъ здѣсь сатрапіи.

Всѣ эти историческія свѣденія, впрочемъ весьма темныя и сбивчивыя, а потому невольно возбуждающія сомнѣнія, нѣсколько освѣщаются средне-азиатскимъ походомъ Александра Македонскаго. Его историки, страшно путая названія мѣстностей, говорятъ, что онъ завоевалъ персидскія сатрапіи Бактриану, Маргіану и Согдіану. Въ Согдіанѣ онъ выдержалъ наиболѣе упорную борьбу, доходилъ до береговъ р. Сыръ-Дарьи и только однажды переправлялся чрезъ нее въ войнѣ съ зарѣчными скивами, которые предполагаются кочевниками. Изъ этихъ разсказовъ видно, что персидскія владѣнія доходили только до р. Сыра, въ такомъ случаѣ гдѣ же были сатрапіи Саковъ и Яксартовъ?

Въ Шахъ-наме Фирдуси, между прочимъ, упоминается, что врагомъ царя Джемшида былъ Согакъ, князь Тасовъ, жившихъ въ какой то дальней странѣ. Затѣмъ Авеста упоминаетъ о мѣстности Канга; о ней упоминается также въ Магабгаратѣ и Шахъ-наме*). Считаю необходимымъ обратить вниманіе на указанныя имена. Согакъ встрѣчается въ названіи одного селенія въ предгорьяхъ Алатау, верстахъ въ сорока на востокъ отъ Ташкента, имя Тасъ не напоминаетъ ли старое названіе теперешняго Ташкентскаго культурнаго района — „страна Шашъ“? Затѣмъ что за

*) В. Григорьевъ „О скискомъ народѣ Сакахъ“ (СПБ. — 1871 годъ).

слово *таджикъ*—название народности иранскаго корня, занимающей теперь Среднюю Азію вмѣстѣ съ народностями тюркскаго корня? Не напоминаетъ ли оно Тасовъ Шахъ-наме? Именемъ Канга, или Канка, называются огромныя бугровидныя древнія сооруженія близъ сел. Акъ-кургана между нижними протоками р. Ангrena, (Гижигенъ и собственно Ангренъ) верстахъ въ 10 отъ берега р. Сыра, въ томъ же культурномъ районѣ. Думаю, что все это очень замѣчательно и можетъ служить указаніемъ, хотя конечно и очень темнымъ и не доказаннымъ, на то, что, „страна Шашъ“ или Ташъ, упоминаемая въ Авестѣ, Магабхаратѣ и Шахъ-наме съ ея княземъ Согакомъ есть именно теперешній Ташкентскій уѣздъ съ мѣстностью Канка, представляющею наравнѣ съ Бактріаною (Бадди), Маргіаною (Меру) и Согдіаною (Сугдъ), одно изъ мѣстъ древнѣйшихъ поселеній арійскихъ племенъ въ Средней Азіи.

О мѣстности Канка я буду говорить ниже болѣе подробно, теперь же считаю нужнымъ замѣтить, что я высказываю, можетъ быть, новый взглядъ на „страну Шашъ“, ставлю дѣло не научно, но собранныя мною свѣденія даютъ нѣкоторое право предполагать возможность чего либо подобнаго. Обращу также вниманіе на то, что въ Шахъ-наме вовсе не говорится о расовой враждѣ народностей, а о борьбѣ племенной, т. е. собственно говоря, объ усобицахъ*). Согакъ былъ врагъ царя Джемшида, былъ побѣжденъ его правнукомъ Феридуномъ, у котораго были сыновья: Сельмъ, Туръ и Иреджъ. Изъ нихъ Туръ и Сельмъ боролись противъ Иреджа и убили его, затѣмъ были убиты однимъ изъ его внуковъ. По общему смыслу сказанія выходитъ, что потомки Тура завладѣли сѣверными областями Средней Азіи и дали имъ название Туранъ. Изъ нихъ болѣе замѣчательнъ былъ Афрасиабъ—имя очень извѣстное до сего времени между сартами и таджиками Заравшана и береговъ Сыра. Изъ Шахъ-наме вовсе не видно, что-бы туранцы были представителями тюрко-монгольской расы;

*) Объ этомъ говоритъ профессоръ Григорьевъ въ своей книгѣ „О оскоскомъ народѣ Сакахъ“.

это были тѣже аріицы, но только сѣверные, боровшіеся съ южными аріицами, жителями теперешней Персіи. Тюрко-монгольскія кочевныя племена подошли сюда гораздо позднѣе доисторической эпохи героевъ Шахъ-наме, почему можно предполагать, что Согакъ былъ князь Тасовъ-арійцевъ, жившихъ близъ мѣстности Канга.

Теперь перехожу къ главной части моего сообщенія.

Ташкентскій культурный районъ, раскинувшійся по р.р. Чирчику, Ангрену и Келесу, притокамъ Сыръ-Дарьи, при внимательномъ изученіи его топографіи, поражаетъ обиліемъ остатковъ чело-вѣческой культуры самой глубокой древности. Къ такимъ остаткамъ относятся множество крупныхъ и мелкихъ бугровъ, плоскихъ насыпей и какихъ-то валовъ, изъ коихъ нѣкоторые тянутся на довольно значительное пространство.

Главные, а иногда и второстепенные ирригаціонныя каналы, тоже носятъ на себѣ слѣды глубокой древности, а нѣкоторые изъ нихъ сохранили имена лицъ доисторической эпохи исторіи Средней Азіи, каковы: Кайкаусъ, Саларъ и Захъ.

Высокіе бугры конической формы и плоскія насыпи разнообразныхъ очертаній съ перваго взгляда представляются какъ-бы игрою природы, но болѣе внимательное изученіе ихъ формъ и окружающей мѣстности, а также случайныя раскопки, производимыя сартами и киргизами, берущими изъ нихъ землю для построекъ и удобренія полей, ясно указываютъ на то, что всѣ эти бугры, именно *насыпные*, всѣ они дѣло рукъ чело-вѣческихъ, а не игра природы.

Бугры и насыпи обильно разсыпаны какъ по самымъ долинамъ рр. Сыръ-Дарьи, Чирчика, Ангrena и Келеса, такъ равно и по сосѣднимъ бугристымъ лесовымъ степямъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда достигала когда-то ирригаціонная вода. Какъ на болѣе могучія сооруженія этого рода можно указать на слѣдующія:

известный ташкентцамъ ярмарочный холмъ въ русской части города*), остатки укрѣп. Ханавать, (перстахъ въ 7 къ югу отъ Ташкента), остатки укрѣп. Юганъ (близъ сел. Нязбашъ), холмы Султанъ-имамъ (тамъ-же), холмы близъ сел. Той-тюбе и проч**).

Кромѣ того встрѣчаются насыпи, ясно сохранившія слѣды очертанія валовъ или стѣнъ, а иногда и ровъ вокругъ, таковы: остатки квадратной формы укрѣпленія (безъ названія), лежащаго на почтовой дорогѣ въ Чиназъ верстахъ въ 4 западнѣе селенія Каунчи, отчетливо видимые остатки укрѣпленія Иске-Ташкентъ, расположенные на Джунъ-арыкѣ верстахъ въ 7 ниже сел. Зенгата, большое насыпное укрѣпл. въ Стар. Чиназѣ и проч.

Кромѣ большихъ бугровъ, мѣстами встрѣчаются группы мелкихъ, вышиною въ 1½—2 сажени; они разсыпаны, повидимому, безъ всякаго порядка. Ими занимаются то ровныя лощинки, то лесовыя возвышенности, при чемъ количество ихъ достигаетъ иногда до нѣсколькихъ сотенъ. Въ долинахъ рѣкъ, подвергшихся разработкѣ

*) Отъ русскихъ я слышалъ, что этотъ бугоръ представляетъ собою остатки дворца царя Афрасиаба. Отъ туземцевъ ничего подобнаго мнѣ слышать не удалось, но понятно, что русскіе слышали это отъ туземцевъ.

**) О той-тюбинскихъ буграхъ существуетъ слѣдующій рассказъ: „Въ древнія времена, когда въ Средней Азіи люди были язычниками и поклонялись идоламъ, гор. Ташкентъ назывался гор. Джанадилъ, по имени царствовавшего въ немъ великаго государя язычниковъ. Гор. Джанадилъ находился въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ селенія Той-тюбе и Пскентъ, изъ коихъ первое считалось центромъ города. Отъ одного конца до другаго имѣлось до 10-ти ташей (до 80 вер.); вся масса теперешнихъ насыпныхъ бугровъ (тюбе) и валовъ, что видны близъ сел. Той-тюбе и Пскента и въ ихъ окрестностяхъ, остались отъ сказаннаго города, занимавшаго своими постройками огромную площадь.

Джанадилъ былъ великій и сильный государь; его владѣнія простирались съ одной стороны до гор. Дербента, а съ другой до Чини-Мачинъ (китайскія владѣнія); онъ дѣлился на четыре части, или провинціи: Кавказъ, Афганистанъ, Камгаръ и Туркестанъ. Гор. Джанадилъ былъ столицею государя, въ подчиненныхъ же ему областяхъ состояли правителями лица по его назначенію съ правами царской власти; они уплачивали своему государю ежегодно большую дань. („Средняя Азія“ альманахъ, издан. въ Ташкентѣ 1896 г. подъ редакціею Е. Т. Смирнова; сартовская легенда „Покореніе гор. Джанадила богатыремъ Али“). Далѣе въ легендѣ упоминается, что жители города поклонялись огню. Легенда не есть собственно народное преданіе, а поэма, сложенная гафизами; она относится къ циклу сказаній о мусульманскомъ богатырѣ Али.

подъ посѣвы, они едва замѣтны, но въ открытыхъ степяхъ, на крайнихъ границахъ орошенія, группы сохранились хорошо и, повидимому, въ полной исправности со времени постройки. Такихъ группъ особенно много по степямъ вдоль нижнихъ протоковъ рр. Ангрена и Келеса.

Крупные и мелкіе бугры, расположенные на лесовыхъ толщахъ, мало чѣмъ отличаются по своему наружному виду отъ естественныхъ неровностей, да и внутреннее строеніе ихъ, состоя изъ леса, только цвѣтомъ, а иногда прослойками перегной и кусками черенковъ и костей отличается отъ разрѣзовъ нетронутыхъ лесовыхъ толщъ. Совсѣмъ другой видъ представляютъ собою бугры въ долинахъ рѣкъ. Напримѣръ въ Чирчикской долині бугры расположены среди ровныхъ, какъ скатерть, рисовыхъ полей, или же среди зарослей камышей, на весьма тонкомъ слой болотнаго перегной съ гальковою подпочвою. Здѣсь уже и для невнимательнаго глаза вполне понятно, что бугоръ насыпной, и невольно возникаетъ вопросъ: откуда брались тѣ тысячи кубическихъ сажень земли, по преимуществу леса, послужившихъ для подобнаго сооруженія? Замѣчательно, что по близости нигдѣ не встрѣчается замѣтныхъ выемокъ въ видѣ ямъ или ложбинъ, изъ коихъ брался бы матеріалъ для сооруженія бугровъ; напротивъ, мѣстность спланирована, какъ подъ ватернасъ. Впрочемъ, если и допустить существованіе выемокъ грунта, затянутахъ въ теченіи столѣтій иломъ и перегноемъ камышей и другой болотной растительности, то въ такомъ случаѣ бугры состояли бы преимущественно изъ чернозема (болотнаго перегной) и гальки, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я посѣщалъ бугоръ Джарты-тюбе (киргизское названіе Акъ-тюбе) на берегу р. Чирчика, противъ сел. Зенгата; онъ принадлежалъ къ группѣ крупныхъ бугровъ, расположенныхъ въ этой мѣстности среди рисовыхъ полей

*) Геологическое строеніе Чирчикской долины слѣдующее: на известковомъ плитнякѣ лежитъ слой слабо сцементированной рѣчной гальки, а на ней тонкій растительный слой чернозема.

и носящихъ названія: Чертакъ (2 бугра), Майли, Сартъ, Каскенды, Ногай и Куль. Нужно полагать, что въ настоящее время Джарты-тюбе уже смытъ р. Чирчикомъ, но въ то время сохранилась какъ разъ половина его, другая же была отмыта рѣкою и уничтожена. Сохранившаяся половина представляла собою отчетливую картину строенія гигантской насыпи. Чирчикъ, напирая на правый берегъ, образовалъ обвалъ конгломератовой толщи, сажени въ $1\frac{1}{2}$ выш., слабо сцементированной гравіемъ, пескомъ и иломъ; на конгломератѣ лежалъ тонкій слой наноснаго ила съ перегноемъ, приблизительно въ аршинъ толщины, а на немъ начиналась насыпь бугра, состоявшая изъ свѣтлосѣрой земли съ отчетливыми параллельными линіями то темнаго, повидимому, наноснаго перегноя, то прослойки золы или же земли другого цвѣта. Съ вершины бугра, имѣвшаго до 6 саж. вышины, былъ опущенъ круглый отвѣсный колодезь, но доходилъ ли онъ до основанія, видѣть было нельзя. На скатѣ обвала бугра, имѣвшаго крутизну до 60° , въ большомъ количествѣ встрѣчались разбитыя кости, мелкіе угли съ прослойками золы, мелкіе камешки рѣчной гальки преимущественно круглаго вида и множество черепковъ битой глиняной посуды грубаго вида, безъ глазури. Понадались также очень тонкіе, необыкновенно легкіе черенки изъ красноватой глины, повидимому, отъ небольшихъ сосудовъ въ видѣ кружекъ и блюдовъ. Такіе черенки встрѣчаются въ буграхъ и насыпяхъ близъ Ташкента довольно часто и представляютъ собою загадочное явленіе: теперешнее населеніе не знаетъ мѣста нахождения подобной глины (попадаются иногда черенки ярко-краснаго, сургучнаго цвѣта), забросивъ, вѣроятно, кони съ того времени, какъ изобрѣтена глазурь и вошли въ употребленіе бѣловатые сорта глины (сартовскій и китайскій фаянсъ). Въ древнихъ насыпяхъ этого послѣдняго сорта посуды не встрѣчается, хотя изобрѣтеніе глазури относится къ очень давнему времени.

Довольно отчетливую картину строенія насыпи также представляетъ собою огромное сооруженіе, съ двумя бугровидными возвышенностями, находящееся близъ сел. Ногай-Курганъ, въ 6 в.

отъ Ташкента. Южная часть сооруженія отмыта ар. Саларъ, въ другихъ же мѣстахъ откопана киргизами, устроившими здѣсь свои сакли. Насыпь расположена на лесовой толщѣ, лесъ-же послужилъ и главною составною частью матеріала для сооруженія. По стѣнамъ обваловъ ясно видны прослойки перегноя, золы, слѣды какой то кладки изъ крупнаго сырцеваго кирпича и множество черепковъ битой посуды и обломковъ костей.

Среди туземнаго населенія существуетъ молва о томъ, что въ этихъ буграхъ хранятся какія то сокровища и, кажется, были попытки тайной раскопки насыпей. Особаго названія бугоръ не имѣетъ, русскіе же называютъ его ногай-курганскимъ бугромъ.

Кстати замѣчу, что крупныя и мелкіе бугры тянутся внизъ по р. Сыръ-Дарьѣ до устья р. Арыса и поднимаются вверхъ по ней до линіи горъ; встрѣчаются они также въ Ферганской и Заравшанской долинахъ, но нигдѣ не достигаютъ такого большаго числа, какъ въ Ташкентскомъ культурномъ районѣ.

Къ какому историческому періоду относится время постройки этихъ бугровъ, бугорковъ и насыпей? Какимъ народомъ онѣ строились и съ какою цѣлью? Отвѣтовъ на эти вопросы пока нѣтъ, очевидно же только одно, что сооружали ихъ многолюдный и сильный народъ.

Мѣстное населеніе имѣетъ весьма мало преданій объ этихъ буграхъ и насыпяхъ. Много спрошенныхъ мною сартовъ отозвались незнаемъ, а другіе повидимому и не подозреваютъ, что всѣ эти „тене“ дѣло рукъ человѣческихъ. Киргизы и узбеки, давшіе тюркскія названія большинству бугровъ, еще менѣе свѣдущи въ этомъ дѣлѣ; да отъ нихъ и ожидать ничего нельзя, такъ какъ они пришли въ страну сравнительно недавно. Относительно группъ мелкихъ бугорковъ мнѣ два раза приходилось слышать отъ сартовъ предположеніе о томъ, что это, должно быть, *кладбища кяфировъ*. Такое предположеніе мотивировалось тѣмъ, что близъ бугорковъ часто встрѣчаются глиняныя погребальныя урны съ человѣческими костями*), а при напускѣ поливной во-

*) Первый экземпляръ такой урны въ Ташкентскомъ районѣ добытъ мною въ 1896 г. близъ почтовой станц. Нязбашъ; урна находится въ музеѣ Императорскаго Русскаго Археолог. Общества.

ды на такихъ мѣстахъ образуются иногда ямы и глубокіе провалы, что приписывалось сартами существованію подземныхъ могильныхъ склеповъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснялось, что находимыя кости, приписываются кяфирамъ, во первыхъ, потому, что мусульмане такъ не хоронятъ своихъ умершихъ, а во вторыхъ, на урнахъ имѣются изображенія людей, а на крышкахъ изваянія человѣческихъ головъ и птицъ съ распростертыми крыльями, что безусловно запрещено кораномъ. Но кто именно были эти „кяфиры“, когда они жили здѣсь и куда потомъ дѣвались—добиться не могъ.

Въ маѣ 1886 года было найдено и разрушено до основанія сартами, рабочими хлопководовъ г. Никифорова, цѣлое кладбище, состоявшее изъ подобныхъ урнъ*). Г. Никифоровъ, работавъ земли подъ хлопковую плантацію, вывелъ воду на бугры, тянущіеся по берегу ар. Карасу близъ сел. Никольскаго. На одномъ изъ пологихъ скатовъ бугровъ, сарты, поднимая плугами залежь, попали на цѣлую группу урнъ, лежавшихъ подъ землею довольно плотно одна къ другой на глубинѣ 3—4 вершковъ. По словамъ пахарей урнъ было болѣе сотни; при вснашкѣ они разрушили ихъ, а кости разбросали, такъ что разработанное поле (собственно подъ бахчу) на пространствѣ 300—400 кв. саж. бѣлѣло мелкими разсыпавшимися отъ вліянія воздуха костями и прахомъ. Нѣсколько сохранившихся обломковъ ясно указывали на характерную форму урнъ (овальные короба) съ крышками, на ручкахъ коихъ и нашелъ изваянія птицъ съ распростертыми крыльями, по фигурѣ напоминающими галокъ. На наружныхъ бокахъ урнъ встрѣчались рисунки украшеній, а одна была украшена фигурами людей; былъ обломокъ съ цѣлою картиною: два человѣка, осѣненные деревомъ. Рисунки вычерчивались на сырой глинѣ и послѣ обжига не отдѣлывались, почему были довольно грубы. Въ нѣкоторыхъ обломкахъ сохранилось и содержимое: сильно истлѣвшія и, какъ бы нарочно, размельченныя человѣческія кости смѣшаны

*) Кладбище находилось невдалекѣ отъ бугра, близъ коего производилъ свои раскопки въ 1886 г. Н. П. Остроумовъ.

съ бѣловатою землею; въ плотной массѣ, спрессованной временемъ, замѣтны ходы какихъ то червей; слѣдовъ обжога костей незаметно никакихъ*). При разборкѣ массы рядомъ встрѣчались мелкія кости пальцевъ, зубы, обломки реберъ, черепа и крупныхъ костей. По такому виду содержимаго урнъ можно заключить, что трущъ очевидно подвергался предварительно тлѣнію въ могилѣ, или на открытомъ мѣстѣ, а потомъ уже собирались кости, смѣшивались съ землею и всыпались въ урну.

По словамъ рабочихъ плуги иногда выворачивали вмѣстѣ съ черепками урнъ и крупныя кости и черепа, но они разсыпались на воздухъ или въ прахъ, или на мелкія части. Вѣрнѣе же всего сарты ихъ просто разбивали, какъ кости „кяфировъ“...

Что это за способъ погребенія, къ какому времени, къ какой религіи и къ какому народу онъ относится? Не напоминаетъ ли онъ нѣсколько способъ погребенія исповѣдниковъ религіи Зороастра, господствовавшей здѣсь въ полной силѣ до періода появленія буддизма, христіанства и магометанства?

Вотъ какія наставленія даетъ книга Вендидатъ (часть Авесты, древнѣйшаго письменнаго памятника арійцевъ) по погребенію умершихъ послѣдователей Зороастра.

*) Считаю нужнымъ обратить на это особенное вниманіе. Н. Ф. Петровский, описывая одно древнее сооруженіе, находящееся близъ г. Кашгара (Кантаръ-Хана), между прочимъ говоритъ, что внутри зданія имѣются человѣческія кости и далѣе высказываетъ такое предположеніе: „Мелкія кости, полагаю я, есть остатки сожженныхъ у „кантаръ-хана“ труповъ, временемъ отъ своей черноты выбѣленные“. (Зап. в. о. Имѣ. Русск. Арх. Об., т. IX, 1895 г. „Замѣтки о древностяхъ Кашгара“ „Ханъ-Уй“).

Въ древнихъ буграхъ подъ Ташкентомъ, а также въ стѣнахъ г. Джанкента (ниже Казалинска) мнѣ случалось находить обожженные кости животныхъ и на нихъ чернота была замѣтна отчетливо. На костяхъ урнъ ничего подобнаго нѣтъ, нѣтъ и слѣдовъ какихъ либо углей въ той земистой массѣ, которою онѣ пересытаны. Я разбиралъ содержимое урнъ очень внимательно и меня поражаало то, что многія мелкія кости рукъ и ногъ были какъ бы обгрызены, а отъ большихъ встрѣчались осколки и обломки. Хотя кости были очень слабы, но ихъ легко было отдѣлить отъ земистой массы и онѣ оставляли въ ней отчетливыя углубленія. Разборъ и осмотръ костей производилъ на меня ясное впечатленіе: кости не были въ огнѣ.

Когда умереть человекъ, то прежде всего должно прочесть заклинанія противъ Насуса, злаго демона, посѣляющагося въ трупахъ и приносящаго вредъ тѣмъ, кто къ нимъ прикасается, что бы онъ не осквернилъ живущихъ въ домѣ, чтобы „отпалъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, какъ засохшая прошлогодняя трава“. Тѣло не сожигали и не погребали, что бы не осквернить имъ ни огонь, ни землю. Для погребенія рыли углубленіе въ сухомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ деревьевъ, наполнили его камнями, кирпичами и сухою землею, сверху клали нагой трупъ лицомъ къ востоку и оставляли на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Ноги и волосы его прикрѣпляли къ ложу, чтобы кости не были заносимы въ воду, или къ деревьямъ. Послѣ того какъ трупъ истлѣвалъ, мѣсто заравнивалось*).

Но этотъ способъ погребенія не былъ общимъ для всѣхъ арійскихъ племенъ; объ отступленіяхъ отъ него упоминается и въ Вендигатѣ, при чемъ эти отступленія считаются навѣянными злыми духами, дѣвами; другими словами люди, зарывающіе труны умершихъ въ землю, или сожигающіе ихъ причисляются къ разряду раскольниковъ, или еретиковъ, а пожалуй и вовсе „нечестивыхъ“ отступниковъ отъ чистаго ученія обрядностей религіи Зороастра. Очень возможно, что и обитатели долинъ Чирчика, Ангrena и Келеса, какъ значительно удаленные отъ Бактріи (Балха), бывшей мѣстомъ возникновенія религіи и главнымъ ея центромъ, „впали въ нечестіе“ и практиковали свой собственный способъ погребенія. Содержимое находимыхъ глиняныхъ урнъ указываетъ, что кости истлѣвшаго трупа, разрушенныя вѣроятно звѣрями и птицами, собирались, смѣшивались съ землею, клались въ урны и хоронились то на общихъ кладбищахъ, то отдѣльно въ буграхъ и насыпяхъ.

Надо полагать, что къ тому же историческому періоду, т. е. времени сооруженія бугровъ и насыпей, относится и постройка главныхъ оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Сыръ-Дарьи,

*) Георг. Веберъ—„Всеобщая Исторія“ т. I.

Чирчика, Ангrena и Келеса. Они носятъ на себѣ слѣды несомнѣнной древности хотя бы только потому, что по ихъ магистральнымъ линіямъ расположено наибольшее количество загадочныхъ искусственныхъ насыпей. Кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ сохранили древне-арійскія названія: Саларъ, Кайкаусъ и Захъ. Если не ошибаюсь, самое древнее упоминаніе имени Саларъ, какъ имени впрочемъ нарицательнаго, относится къ періоду династіи Ахеменидовъ; это имя носили сподвижники Дарія Гистаспа. Встрѣчается ли это имя въ древнихъ арійскихъ книгахъ, мнѣ неизвѣстно.

Русскіе считаютъ Саларъ регуляторомъ ар. Боссу, но это едва ли вѣрно: можно предполагать, что Саларъ древнѣйшій магистральный каналъ съ водопріемникомъ изъ Чирчика, а Боссу есть разводный арыкъ, получившій теперь главенство только потому, что на немъ расположился Ташкентъ. По линіи Салара и его отводамъ, каковы: Низбашъ, Куркульдакъ и Джунъ, находится весьма большое количество древнихъ бугровъ и насыпей, между тѣмъ по Боссу, ниже водораздѣла, ихъ сравнительно мало.

Каналъ Кайкаусъ находится на территоріи азіатской части Ташкента и по всей вѣроятности есть отводъ Салара, такъ какъ представляетъ собою прямое продолженіе линіи, извѣстной подъ названіемъ Боссу. Начитаннымъ сартамъ извѣстно значеніе имени Кайкаусъ, но строилъ ли каналъ этотъ царь до исторической эпохи, или же такое названіе дано каналу случайно — объяснить не могли.

Захъ-арыкъ каналъ относительно новый, что доказывается хорошо сохранившимися отсыпями вынутой земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каналъ проходитъ по покатостямъ, чего по системѣ Салара—Боссу уже нѣтъ. Главный же признакъ относительной молодости постройки заключается въ томъ, что по его линіи вовсе нѣтъ древнихъ бугровъ и насыпей, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ его разводные арыки перепутываются съ оросительною сѣтью древнѣйшей саларской системы. Близъ сел. Нязъ-бекъ имѣется большой бугоръ съ высокою плоскою отсыпью съ сѣвера. Дойдя до этого бугра, Захъ-арыкъ перерѣзалъ отсыпь у его подножья и вышелъ далѣе на плоскость степи. Ясно видно, что бугоръ былъ

сооруженъ ранѣе и строителямъ канала нельзя было его обойти; они и пересѣкли подножіе. Ничего подобнаго не встрѣчается по магистральной линіи Салара и другихъ древнихъ каналовъ.

О постройкѣ Заха мнѣ удалось слышать отъ сартовъ слѣдующіе рассказы. „Въ очень давнія времена жилъ царь (падша) по имени Залъ, или Зуль, отецъ извѣстнаго богатыря Рустема. Желая увеличить количество орошаемыхъ земель, онъ приказалъ своимъ подданнымъ выкопать каналъ, взявъ воду изъ Чирчика выше водоприемника Салара, что и было исполнено. Каналъ названъ по имени царя Залъ, но вѣроятно впоследствии это слово начали выговаривать не Залъ, а Захъ. Ученые люди говорятъ, что въ старыхъ книгахъ и документахъ арыкъ этотъ назывался Заломъ, а Захъ выговариваютъ киргизы (подразумѣвая тюркскія народности)“.

По другому разсказу Захъ выкопанъ какимъ-то ханомъ, имени котораго не сохранилось въ народной памяти. Названіе Захъ дано ему по слѣдующему случаю: мирабы, производившіе изысканія, затруднялись въ выборѣ мѣста для водоприемника и оно указано было имъ *галкою* (захчъ)...

Когда постройка канала была закончена и вода оросила огромное пространство мертвыхъ до того времени земель, ханшу взяла зависть и она стала просить мужа разрѣшить ей распорядиться постройкою новаго канала изъ того же Чирчика. Ханъ разрѣшилъ ей и вскорѣ былъ выкопанъ второй каналъ съ водоприемникомъ выше Заха, получившій названіе Ханымъ-арыкъ въ честь ханши*), но не большой, что наглядно доказываетъ слабость женщины, неспособной на великія дѣла... добавляютъ разсказчики.

Къ древнѣйшимъ ирригаціоннымъ сооруженіямъ относятся такъ-же каналы лѣваго берега Чирчика, изъ коихъ болѣе замѣчательна Большая Карасу и каналы по р. Ангрену: Карызъ, Шаракія, Сакаль, Канъ и другіе. Такое предположеніе я основываю на томъ, что по ихъ линіямъ, какъ магистральнымъ, такъ равно и разводнымъ разсыпана масса древнихъ бугровъ и насыпей.

*) Ханымъ, или ханумъ значитъ жена, супруга.

Какихъ-либо преданій о постройкѣ этихъ каналовъ мнѣ лично не удалось слышать.

Кстати замѣчу, что къ преданіямъ сартовъ, а также киргизовъ, узбековъ и другихъ тюркскихъ народностей необходимо относиться съ крайней осторожностью. Главные представители здѣсь тюркомонгольской расы—киргизы (казáки), замѣтно поглощающіе теперь узбекскіе роды (узбековъ: Курама, Юзовъ, Каракалмаковъ и др.), пришли сюда весьма недавно и, принадлежа преимущественно къ большой ордѣ (роды поколѣній Уйсунъ и Дулатъ), своей-какія историческія преданія относятъ къ эпохѣ нашествія на Среднюю Азію калмаковъ, съ коими выдержали побѣдоносную борьбу. Именно сооруженіямъ калмаковъ (сохраняю киргизскій выговоръ имени) они приписываютъ огромные бугры, находящіеся въ долинѣ р. Арыса, древніе каналы этой рѣки и даже остатки городовъ Сайрама и Отрара... Нѣкоторые узбекскіе роды, сохранившіе еще обособленность отъ киргизовъ, пришли сюда тоже недавно. Такъ старики Юзовъ говорили мнѣ, что ихъ родъ перемкнулся сюда изъ подъ Ура-тюбе лѣтъ 100—120 тому назадъ. Кураминцы средней части долины р. Ангrena, въ разговорѣ о причинахъ уменьшенія воды въ рѣкѣ, не наполняющей теперь всѣхъ оросительныхъ каналовъ въ своихъ низовьяхъ (по долинѣ Гижигена), передали мнѣ, что когда ихъ предки заняли долину, то воды въ рѣкѣ было очень много, приписывая это огромнымъ лѣсамъ на окрестныхъ горахъ. Кураминцы выжигали лѣса для образованія пастбищъ и приготовленія угля, который ранѣе сбывали въ большомъ количествѣ сартамъ въ Фергану и Ташкентъ. Уничтоженіе лѣсовъ закончено на памяти стариковъ и съ того времени началъ ощущаться недостатокъ въ водѣ для орошенія полей, послѣдствіемъ чего были даже случаи большихъ неурожаевъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Кураминцы пришли сюда не особенно давно, но сколько лѣтъ тому назадъ, опредѣлить не могли. Откуда именно пришли кураминцы и подъ чьимъ предводительствомъ, разсказчики тоже не знали, но изъ разговоровъ съ ними было видно, что они поселились здѣсь недавно,

почему искать у нихъ преданій о разныхъ древностяхъ, думаю, совершенно бесполезно. Они помнятъ только времена кокандскаго ханства, да и то потому, что въ то время были народностью, игравшею извѣстную роль.

Сарты хотя, надо полагать, и аборигены страны, но въ теченіи столѣтій претерпѣли столько погромовъ и приняли въ себя столько тюркско-монгольской крови, а съ нею изгладовъ и понятій, до языка включительно, и затѣмъ настолько угнетены мусульманствомъ, что, кажется, очень мало имѣютъ преданій историческаго характера; невѣжество же такъ называемыхъ *ученыхъ* сартовъ: правовѣдовъ и богослововъ, въ исторіи Средней Азіи просто изумительно*). А между тѣмъ въ ихъ рукахъ нерѣдко находятся драгоценныя историческія сочиненія на арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкахъ. Приведенный мною выше рассказъ о царѣ Залѣ и постройки имъ Захъ-арыка едва ли есть народное преданіе, а скорѣе всего навѣянъ чтеніемъ Шахъ-наме, такъ какъ рассказъ этотъ я слышалъ отъ начитанныхъ сартовъ, при чемъ на мой вопросъ, когда жилъ надша Залъ и какую религію исповѣдывалъ, получился наивный отвѣтъ, что Залъ былъ, разумѣется, мусульманинъ и жилъ очень давно, но раньше Тамерлана или позднѣе *ученые* люди не могли опредѣлить... Въ старыхъ документахъ и историческихъ сочиненіяхъ Захъ-арыкъ дѣйствительно пишется Залъ, или Зулъ. Во второмъ рассказѣ, хотя и болѣе похожемъ по своему характеру на дѣйствительное народное преданіе, уже замѣтна натяжка въ толкованіи слова Захъ; оно едва ли происходитъ отъ слова *захъ*, а по всей вѣроятности, есть дѣйствительно передѣлка слова Залъ, допущенная тюрками. Впрочемъ надо имѣть въ виду, что въ китайскихъ источникахъ встрѣчается имя какого-то народа захъ, или захъ, жившаго въ Средней Азіи въ очень давнія времена.

*) Такъ напримѣръ, толкуя съ учеными сартами на историческія темы, я ни разу не слышалъ отъ нихъ о погромѣ Среди. Азіи Чингизъ-ханомъ; точно его и не было.

Что касается таджиковъ, то я мало знакомъ съ ними. Они производятъ впечатлѣніе какого-то замкнутого племени, обособленнаго въ своихъ взглядахъ и понятіяхъ, сильно консервативнаго, и кажется, порядочно туповаты. Можетъ быть благодаря такимъ особенностямъ своего племеннаго характера, они довольно хорошо сохранили свой иранскій типъ и языкъ въ густой средѣ тюркскихъ племенъ, давно оттѣснившихъ ихъ изъ долинъ въ предгорья Тянь-Шаня. Никакихъ преданій отъ нихъ слышать не удалось.

Если составить правильную археологическую карту Ташкентскаго земледѣльческаго района, нанеся на нее всѣ бугры, насыпи и слѣды городовъ и укрѣпленій, то площадь древней осѣдлости очертится довольно ясно. Съ востока граница пойдетъ по подошвамъ предгорій и отъ р. Ангrena выйдетъ къ каналу Дельверзинъ у подошвы горъ Моголь-тау; здѣсь бугры переходятъ на лѣвый берегъ р. Сыръ-Дарья и густою линіею тянутся по окраинѣ Голодной степи внизъ по рѣкѣ вдоль старыхъ каналовъ Бухаръ и Урумбай до устій р. Келеса; отсюда линія поворачиваетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи вдоль Кру-Келеса (лѣваго протока рѣки) и упирается на востокъ опять въ предгорья. Изъ такой карты можно бы было ясно убѣдиться въ томъ, что площадь древней осѣдлости района была значительно больше теперешней по квадратному содержанію и по густотѣ населенія. Последнее доказывается тѣмъ, что нѣкоторые крупные оросительные каналы не дѣйствуютъ, каковы Урумбай на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарья и другіе, бравшіе начало изъ рѣки ниже Чиназа, другіе же еще только начинаютъ возобновляться, напр. Джунъ, а третьи уменьшились въ размѣрахъ или же находятся въ безпорядкѣ, каковы Захъ, Саларъ, Боссу, Большая Карасу и каналы по нижнему Ангрену: Канъ, Сакалъ и нѣсколько мелкихъ, орошающихъ земли теперешней Акъ-Курганской волости. Къ послѣдней категоріи относятся и Дальверзинъ, старая площадь орошенія коего была весьма велика. Принимая во вниманіе съ одной стороны значительно большую площадь орошенныхъ земель, а съ другой сооруженіе

гигантских насыпей и их поражающую многочисленность*), можно прийти къ положительному выводу о большой густотѣ населенія района во времена господства здѣсь строителей бугровъ, въ нѣсколько разъ превосходившую цифру теперешняго населенія. Отсюда можно заключить, что если здѣсь и не былъ центръ царства, то во всякомъ случаѣ была крупная по многолюдству область, имѣвшая, конечно, и главный городъ. Такимъ городомъ считаютъ Ташкентъ. Кромѣ того предполагаютъ, что древній Ташкентъ стоялъ не тамъ, гдѣ онъ находится теперь, а въ 40 верстахъ на юго-западъ на мѣстѣ теперешняго сел. Иске-Ташкента, расположеннаго на чиназскомъ почтовомъ тракѣ.

Въ ташкентскомъ культурномъ районѣ мѣстностей, носившихъ названіе Иске-Ташкентъ (Старый Ташкентъ) двѣ и обѣ онѣ находятся на правой сторонѣ р. Чирчика и, какъ и теперешній Ташкентъ, расположены на оросительной системѣ Салара. Первая — изъ нихъ упомянутое выше сел. Иске-Ташкентъ, а вторая — слѣды заброшеннаго городища въ пяти верстахъ на юго-западъ отъ почтовой станицы Нязбашъ, или въ 7 верстахъ отъ сел. Зенгата, какъ сказано выше (въ 27—28 вер. отъ теперешняго Ташкента).

Сел. Иске-Ташкентъ занимаетъ узкую полосу земли, ограниченную съ запада оврагомъ ар. Куркульдака*), а съ юга обрывами лесоваго берега р. Чирчика. Селеніе и окрестности орошены небольшимъ аркомъ Кутарма (или иске-ташкентскимъ аркомъ) и не имѣютъ слѣдовъ какихъ либо свѣжихъ развалинъ, исключая бугровъ и насыпей совершенно такого же вида, какіе разбросаны по всему берегу р. Чирчика выше и ниже селенія. Повидимому ни что не указываетъ на то, чтобы здѣсь былъ когда-то большой городъ или просто болѣе скученное населеніе,

*) На лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи отъ водоприемника Урумбая до Чиназа, на протяженіи 50 вер. имѣется болѣе 25 крупныхъ бугровъ.

**) Названію этого арка у насъ очень не повезло: его коверкаютъ на разныя лады. Правильное названіе Куркульдакъ, что значитъ щуръ — звукоподражательное имя птицы, имѣющей массу гнѣздъ по оврагу арка.

почему предположеніе о мѣстонахожденіи здѣсь древняго Ташкента основывается только на одномъ названіи, происхожденіе коего неизвѣстно. Такого первое впечатлѣніе, вызываемое осмотромъ мѣстности, но имъ едва ли можно руководствоваться и вотъ почему.

Начиная отъ сел. Нисбашъ, на протяженіи 12—15 вер., р. Чирчикъ, сильно напирая на свой правый берегъ, отклонился отъ прямой линіи и образовалъ луку, хотя и довольно пологую. Продолжающіеся и до сего времени отмывы лесовыхъ толщъ праваго берега начинаются отъ высоты сел. Каунчи, почти отъ устья Салара, и оканчиваются ниже сел. Иске-Ташкентъ. Здѣсь по лѣвую сторону имѣется низина, занятая озерами и камышами, известная подъ названіемъ Калганъ-Чирчика (древній Чирчикъ, то, что по-русски называется старицею), который впадаетъ въ р. Сыръ-Дарью верстахъ въ пяти выше русскаго Чиназа. Калганъ-Чирчикъ, удаляясь отъ теперешней линіи рѣки версты на 2—4, отчетливо очерченъ только въ нижней своей части (версть на 15 длины); онъ состоитъ изъ озерныхъ расширеній (илей) мѣстами съ возвышенными берегами, состоящими изъ мелкой рѣчной гальки, то обнаженной, то покрытой тонкимъ растительнымъ слоемъ. Было ли это самостоятельное русло рѣки, или же протокъ — въ настоящее время рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ указаніемъ на то, что ко времени появленія здѣсь человека, именно строителей бугровъ, это былъ очевидно протокъ, служитъ бугоръ Кара-тюбе, лежащій на берегу теперешняго Чирчика верстахъ въ десяти ниже сел. Иске-Ташкентъ. Выше Кара-тюбе по берегу рѣки бугровъ нѣтъ; ихъ линія расположена на югъ за низиною Калганъ-Чирчика (бугры Бай-тюбе, Аксагаты, Гилянды-Карсакъ, Янгурчи, Караулъ-тюбе, Зангаръ и др.). Лѣвый берегъ Чирчика противъ указанной выше луки его имѣетъ нѣсколько параллельныхъ не глубокихъ овраговъ и изобилуетъ галечными обнаженіями, сравнительно съ другими частями Чирчикской долины покрытыми весьма тонкимъ растительнымъ слоемъ. Р. Чирчикъ, напирая на правый берегъ и обрушая его лесовыя толщи, мѣста-

ми до 10 саж. по вертикальной линіи, уносить лесъ теченіемъ и обнажаетъ галечный слой, служащій подпочвою лесовой массы. Обнаженная галька принимаетъ обыкновенный рѣчной характеръ и быстро покрывается травами и кустарниками. При осмотрѣ ихъ постороннему наблюдателю и въ голову не можетъ придти, что назадъ тому два-три года на этомъ мѣстѣ лежали гигантскія лесовыя толщи.

Оросительный каналъ Саларъ, миновавъ сел. Низбашъ, выходитъ изъ низины Чирчика и поднимается на бугристую степь, но не доходя персть пяти до сел. Иске-Ташкентъ, какъ-то неожиданно впадаетъ въ Чирчикъ. Здѣсь онъ прорылъ себѣ довольно глубокое русло въ лесовой толщѣ и спустился почти до подпочвеннаго галечнаго слоя. Выше сел. Низбашъ притокъ воды въ Саларъ усиливается четырьмя арыками, изъ коихъ болѣе замѣчательны Сукъ или Шухъ-арыкъ и Такка-бай. Всѣ они взяты изъ р. Чирчика, пересекаютъ долину и впадаютъ въ Саларъ. Первый изъ нихъ (Шухъ) и въ настоящее время имѣетъ большое значеніе: ниже впаденія его въ Саларъ изъ послѣдняго берутъ начало два большихъ арыка Куркульдакъ и Низбашъ, орошающіе мѣстность между Чирчикомъ и оврагомъ ар. Боссу. Остальные три потеряли свое значеніе; они или не доходятъ до Салара, или доносятъ только отработавшую воду съ рисовыхъ полей, расположенныхъ по ихъ берегамъ. Дѣло очевидное, что эти четыре арыка, судя по ихъ размѣрамъ, устраивались вовсе не для мѣстнаго орошенія, а для притока воды въ Саларъ. Но какое они имѣли значеніе, когда Саларъ, получивъ ихъ воду, проходитъ всего 6—7 вер. и впадаетъ въ Чирчикъ?

У мѣстныхъ жителей есть преданіе, что Иске-Ташкентъ былъ смытъ Чирчикомъ и отъ него не осталось и слѣдовъ, исключая маленькаго селенія того-же имени. Описанныя топографическія особенности мѣстности указываютъ на возможность подобнаго явленія. Можно предполагать, что городъ стоялъ на лесовыхъ толщахъ, смыхъ р. Чирчикомъ, образовавшимъ теперь луку вправо, и орошался каналомъ Саларъ, а также его разводнымъ

арыкомъ Низбашъ, орошавшимъ сѣверную сторону города. Близъ сел. Низбашъ сначала по правую сторону Салара, а ниже и по обѣимъ его берегамъ вплоть до устья имѣются могучія земляныя сооруженія съ остатками жженого кирпича и черепковъ. Выше Низбаша находятся слѣды большой крѣпости Юганъ съ высокими валами, имѣющей видъ четырехъугольника въ длину до 250, и въ ширину до 200 саж.; близъ нея расположены высокіе бугры и насыпи. Ниже селенія вся мѣстность покрыта буграми и насыпями, достигающими наибольшей величины близъ могилы Султанъ-Имама (мазаръ и священная карагачевая роща на правомъ берегу Салара). Отъ крѣпости Юганъ до болѣе крутого изгиба луки Чирчика не болѣе 10—12 верстъ, почему возможно предположить, что крѣп. Юганъ входила въ группу поселеній древняго погибшаго города, носившаго названіе, смотря по выговору разныхъ народностей, Шашъ, Чачъ, Джаджъ и наконецъ Ташъ, съ присоединеніемъ къ нему слова кентъ (городъ).

Напоръ Чирчика на правый берегъ, послужившій причиною образованія луки, обуславливается видимымъ пониженіемъ плоскости галечнаго слоя, служащаго подпочвою лесовыхъ толщъ праваго берега. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ изгибѣ луки съ трудомъ выводятся арыки на лѣвую сторону рѣки и они долго тянутся параллельно рѣкѣ, чего не встрѣчается въ верхнихъ частяхъ долины. Описанный уклонъ вправо галечнаго слоя былъ, вѣроятно, причиною и прекращенія теченія воды по Калганъ-Чирчику; смывъ лесовую толщу, на которой былъ расположенъ городъ, рѣка отошла вправо и разработала свое теперешнее русло.

Второй Иске-Ташкентъ находится на возобновляемомъ теперь арыкѣ Джунъ среди недавно еще пустынной, бугристой степи. Отъ него сохранились валы съ барбетами по угламъ и вдоль бывшихъ стѣнъ. По своимъ размѣрамъ укрѣпленіе было значительно меньше описанной выше крѣп. Юганъ и валы ниже; вокругъ центрального укрѣпленія разбросано множество бугровъ и бугорковъ. Съ нѣкоторыхъ возвышенностей очертаніе бывшаго поселенія видно

весьма отчетливо, благодаря тому, что мѣстность пока слабо орошена и не засажена деревьями.

На сѣверъ отъ городища, отъ обрывовъ ар. Боссу до сел. Джалдамы, тянутся остатки какого то вала длиною до 35 верстъ; онъ носитъ названіе Кемпиръ-дувалъ, что значитъ *стѣна старухи* (или вѣдьмы). Сарты говорятъ, что валъ переходитъ на лѣвый берегъ р. Сыръ-Дарьи и тянется Голодною стѣною къ г. Джизаку. Но это послѣднее слѣдуетъ провѣрить, такъ какъ изъ разсказчиковъ никто не видалъ вала за рѣкою, не видалъ его и я, хотя хорошо знаю мѣстность лѣваго берега Сыра противъ сел. Джалдамы верстъ на 8 въ глубину Голодной стѣны. Здѣсь много валовъ и рововъ, но они тянутся въ сѣверо-западномъ направленіи и суть остатки оросительныхъ каналовъ, или системы нижняго Урумбая, или самостоятельныхъ, бравшихъ начало изъ рѣки и отводившихъ воду далеко влѣво. Когда, кѣмъ и съ какою именно цѣлю возведенъ Кемпиръ-дувалъ — сарты не знаютъ.

Обращаясь къ имѣющимся подъ руками печатнымъ источникамъ, нахожу слѣдующее. Въ своей „Исторіи Бохары“ Германъ Вамбери, описывая страну Джаджъ, между прочимъ говоритъ: „О большой стѣнѣ отъ Бенгена (?) до Яксарты, которую, по свидѣтельству Белхи, велѣлъ возвести Абдуллахъ бинъ Гамидъ, вѣроятно, для защиты отъ нападеній номадовъ, я никогда ничего не слышалъ“. (Введеніе стр. XXI изд. 1873 г.). Изъ книги, изданной Н. Ф. Петровскимъ подъ заглавіемъ „Древніе арабскіе дорожники по среднеазиатскимъ мѣстностямъ (Ташкентъ 1894 г.) видно, что о пограничной стѣнѣ Шаша упоминаетъ географъ Мокадаси, называя ее „стѣною Обейдъ (Абдъ) бенъ Хомайда“, но описаніе ея положенія весьма сбивчиво. Изъ него можно пожалуй понять, что стѣна находилась не на правой сторонѣ р. Чирчика, а на лѣвой сторонѣ р. Ангrena. Между тѣмъ въ послѣдней мѣстности, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ длинныхъ валовъ нѣтъ; здѣсь слѣды древней культуры прикасаются къ небольшой бугристой Джанбулакской стѣны, примыкающей далѣе на югъ къ богатому когда то оазису, орошавшемуся каналомъ Дельверзинъ.

Если описанный выше Кемпиръ-дувалъ есть именно пограничная стѣна „Шаша“, то совершенно непонятно съ какою цѣлю она возведена. Болѣе надежнымъ прикрытіемъ отъ „нападеній номадовъ“, какъ предполагаетъ Вамбери, могъ служить крутоберегій и глубокій оврагъ ар. Боссу, по которому сбѣгаетъ изъ теперешняго Ташкента, частью отработавшая, частью распущенная безъ толка и смысла, вода въ довольно большомъ количествѣ, впадая ниже однимъ рукавомъ въ р. Чирчикъ, а другимъ въ р. Сыръ-Дарью. Или въ то время боссуискаго оврага не было? Далѣе за боссуискимъ оврагомъ начинается бугристая степь, пересѣченная двумя протоками р. Келеса, впадающими въ Сыръ, съ многочисленными остатками древнихъ осѣдлостей, имѣющихъ тѣсную связь съ осѣдлостями раіоновъ р.р. Чирчика, Ангrena и Сыръ-Дарьи.

Принимая Кемпиръ-дувалъ за „пограничную стѣну Шаша“, можно заключить, что она возведена въ X стол. при Эмирѣ Гамидѣ изъ династіи Саманидовъ, къ каковому времени можно отнести и остатки городища Иске-Ташкентъ на Джунѣ, которое едва ли было прашуромъ Ташкента.

За это говоритъ во первыхъ, незначительность площади укрѣпленія, а во вторыхъ, Джунъ-арыкъ есть арыкъ второстепенный: онъ беретъ начало изъ Салара, слѣдовательно выстроенъ значительно позднѣе его; кромѣ того водопріемникъ его взятъ подъ обрывомъ погай-курганскаго бугра, подмытаго и обрушеннаго Саларомъ. Поэтому трудно предположить съ вѣроятностью, что древнѣйшій городъ страны возникъ на второстепенной и сравнительно молодой оросительной вѣтви. По всей вѣроятности остатки этого городища представляютъ собою бывшее самостоятельное поселеніе, можетъ быть съ названіемъ нижній или западный Ташкентъ, а когда оно заустѣло и разрушилось, то ему и дали названіе старый (иске) Ташкентъ.

Теперешній Ташкентъ едва ли древній городъ, а по всей вѣроятности возникъ въ видѣ центрального города страны, уже послѣ нашествія монголовъ. За это говоритъ, во первыхъ, то, что

на его территоріи имѣются бугры и насыпи совершенно такого же вида, какъ и по всей системѣ Салара, а во вторыхъ лѣвое крыло арміи Чингизъ-хана, двинувшись въ страну Шашъ, или Джаджъ, встрѣтило здѣсь большой центральный городъ Винакентъ, стоявшій на берегу р. Сыръ-Дарьи*). Городъ былъ взятъ генералами Алакъ-Нояномъ и Субгутаемъ и разрушенъ. Впослѣдствіи онъ возобновленъ сыномъ Тамерлана Шахрухомъ, который и далъ городу свое имя: Шахрухъ-шааръ. Это названіе, вѣроятно узбеками, поселившимися здѣсь, передѣлано въ Шаракія, или Шаркія. Развалины Шаракіи находятся въ устьѣ долины Гижигена, по которой шелъ лѣвый протокъ р. Ангrena, на правомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, и отчетливо видны до сего времени. Къ нимъ протекалъ изъ р. Ангrena ар Шаракія, водопріемникъ коего находится близъ сел. Юбилекъ, у раздѣленія р. Ангrena на протоки, но воды его впослѣдствіи были повернуты вправо къ возникшимъ зимовкамъ узбековъ-кураминцевъ. Здѣсь, на возвышенности Канка, или Канга, орошавшейся водами р. Ангrena (аркомъ Канъ) находится весьма много остатковъ древнѣйшей культуры въ видѣ бугровъ, насыпей и валовъ. Собственно Канка есть большое сомкнутое укрѣпленіе неправильной продолговатой формы съ буграми въ сѣверномъ углу.

Мѣстность Канга упоминается въ Авестѣ**), почему съ большою вѣроятностью можно было бы искать центръ старой угасшей культуры именно здѣсь. Но весьма сбивчивыя географическія и

*) Главнымъ городомъ страны Шашъ Винакентъ считался арабскими географами, писавшими въ X—XIII стол. (Древніе арабск. дорож. изд. Н. Ф. Петровскаго).

**) беру это свидѣніе изъ ст. Н. Петровскаго зам. по пов. ст. „Къ вопросу о нач. г. Ташкента“ (Турк. Вѣдом. № 44, 1892 г.); въ своей замѣткѣ почтенный авторъ, кажется, ошибается, говоря о кишлакѣ Кангакъ, находящемся въ сосѣдствѣ съ сел. Паркентъ, Заркентъ и пр. Сколько мнѣ извѣстно такого кишлака тамъ нѣтъ. Въ мѣстности Джетикентъ (Семиградіе) находятся слѣдующія селенія: (жители отчасти сарты, отчасти таджики): Паркентъ, Заркентъ, Согакъ, Сангинекъ, Намденекъ, Невишъ, Гарликъ и Саракъ; затѣмъ далѣе въ горахъ селенія: Ходжакентъ, Бричъ-мулла, Богустанъ, Пскемъ, Сиджакъ, Кумсанъ и другія.

историческія свѣденія о Средней Азій, въ томъ числѣ и о ея части—„странѣ Шашъ“, лишаютъ всякой возможности вывести пока какія бы то ни было заключенія.

Нужно думать, что страна Шашъ была однимъ изъ передовыхъ аванпостовъ на сѣверо-востокъ древнихъ арійскихъ племенъ и на своемъ длинномъ вѣку выдержала множество нападений тюркско-монгольскихъ кочевыхъ ордъ, которыя въ концѣ концовъ и заняли ее, частью истребивъ аборигеновъ, частью ассимилировавъ ихъ съ собою (сарты), а частью отгнѣснвъ въ предгорья Тянь-Шаня (таджики по верхнимъ частямъ р. р. Чирчика и Ангrena). Поэтому очевидно здѣсь должно различать нѣсколько періодовъ культуръ, по которымъ и слѣдуетъ группировать сохранившіеся остатки. Къ древнѣйшей эпохѣ нужно относить дѣятельность здѣсь арійскихъ племенъ—строителей бугровъ, въ томъ числѣ холмовъ и валовъ мѣстности Канга, создателей древнѣйшихъ кладбищъ изъ глиняныхъ урнъ и строителей первыхъ оросительныхъ каналовъ: Заль (Захъ), Кайкаусъ, Канъ и друг. Отъ нихъ остались глиняные сосуды, черепки, обточенные пращные камни, кости людей и животныхъ и глинобитныя сооруженія, заключающіяся въ толщѣ бугровъ. Затѣмъ долженъ слѣдовать періодъ персидско-арабской цивилизаціи съ остатками сооружений изъ жженнаго кирпича, монетами, стекломъ, украшеніями изъ драгоценныхъ металловъ и проч. Новѣйшій же періодъ можно назвать тюркскимъ, высшимъ развитіемъ коего можно считать вѣкъ Тамерлана; онъ оставилъ послѣ себя сохранившіеся сооруженія, напимѣръ мечеть въ сел. Зенгата.

Впрочемъ всѣ эти соображенія о древности ташкентскаго культурнаго района и о мѣсто-нахожденіи древняго центрального города страны, высказываемыя только предположительно, останутся такими до тѣхъ поръ, пока на разработку исторіи и археологіи Средней Азій не будетъ обращено того вниманія, какого она заслуживаетъ, и за дѣло не возьмутся хорошія научныя силы. Для историка здѣсь не початый край и весьма благодарное поле для дѣятельности: много письменныхъ источниковъ, много остатковъ поселеній съ

именами, относящимися къ временамъ древней и средней исторіи Средней Азіи и съ слѣдами давно минувшей культурной жизни народовъ, аборигеновъ страны. Дѣло понятное, что для научной постановки работъ необходимо собрать и разработать всѣ письменные источники, какъ греческихъ историковъ и географовъ, такъ и азіатскихъ, писавшихъ на персидскомъ, арабскомъ, тюркскомъ и китайскомъ языкахъ.

Для начала было-бы очень полезно заняться составленіемъ историческо-географической карты Средней Азіи по маршрутамъ персидскихъ, арабскихъ, европейскихъ и китайскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ страну. Такая карта, отличаясь наглядностью, будетъ служить прекраснымъ пособіемъ для историка, для археолога же прямо необходима, какъ указаніе на важнѣйшіе пункты для работъ. Кромѣ того, заинтересовавъ любителей нашего Археологическаго кружка, она дастъ имъ возможность принести большую пользу дѣлу указаніемъ выдающихся остатковъ древнихъ сооружений, собраніемъ преданій, названій мѣстностей и т. п. Какъ бы ни были несовершенны ихъ работы, но онѣ принесутъ свою долю пользы, потому что любители, очевидно, будутъ комплектоваться изъ знатоковъ края и могутъ принять на себя несложныя, черныя работы, хотя бы на примѣръ составленіе карты древнихъ осѣдлостей извѣстнаго района. Матеріалъ для подобной карты имѣется весьма богатый въ съемкахъ Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла; изъ нихъ нужно выбрать то, что требуется. Подобная работа, а также собраніе преданій о болѣе выдающихся древнихъ сооруженияхъ, полагаю, по силамъ каждаго любителя и сохранить много драгоцѣннаго времени у ученаго археолога и историка.

Е. Смирновъ.

